

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634

EDN: BKHECI

Научная статья / Research article

Репрезентация мистического (Н. Петровская) и магического (Х. Кортасар) в художественной литературе

А.Ф. Мышкина^{id}

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ alb-myshkina@mail.ru

Аннотация. Современная чувашская литература отличается идейно-тематическим и жанрово-стилевым богатством. Многие из художественных направлений чувашской прозы наиболее ярко проявили себя в конце XX — начале XXI в. Актуальность данного исследования связана с необходимостью изучения поэтики мистицизма как одного из современных векторов чувашской прозы в контексте мировых художественных тенденций — магического реализма, с учетом их эстетических связей и отличий. Художественно-мистическое произведение в отечественной (в том числе и чувашской) литературе очень часто представляет собой синтез православно-религиозных и национально-фольклорных мотивов, образов, тем. Между тем такой мистицизм по своей поэтике очень близок к магическому реализму, который зародился в латиноамериканской литературе. С учетом этих особенностей цель данного исследования — выявление эстетических параллелей между произведениями чувашской мистической прозы и магического реализма. В соответствии с целью сформулированы основные задачи работы: изучить теоретические вопросы поэтики мистического и магического; определить жанрово-стилевые особенности творчества исследуемых писателей; выявить основные элементы общности чувашского художественного мистицизма и магического реализма. В качестве материала исследования выбраны произведения чувашского автора Нелли Петровской и аргентинского автора Хулио Кортасара. Основными методами исследования выступают сравнительно-исторический и сопоставительный анализ художественных произведений. В результате исследования было установлено, что мистическое и магическое в художественной литературе проявляются как нечто необъяснимое, чудесное, потустороннее, при этом в основе сюжета лежит реальная жизнь. Их отличительной чертой является то, что в мистических произведениях более яркое выражение получают религиозные идеи и символы, а в магическом реализме — мифологическое мировоззрение народа. Тем не менее ему не чужды и религиозные символы.

Ключевые слова: мистицизм, магический реализм, чувашская мистическая проза, мифологический образ, религиозный символ

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мышкина А.Ф. Репрезентация мистического (Н. Петровская) и магического (Х. Кортасар) в художественной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 624–634. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634>

© Мышкина А.Ф., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Representation of the Mystical (N. Petrovskaya) and the Magical (J. Cortazar) in Fiction

Albina F. Myshkina^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ alb-myshkina@mail.ru

Abstract. Modern Chuvash literature is distinguished by its ideological, thematic and genre-stylistic richness. Many of the artistic trends of Chuvash prose most clearly manifested themselves in the late 20th — early 21st centuries. The relevance of this study is associated with the need to study the poetics of mysticism as one of the modern trends of Chuvash prose in the context of world artistic trends — magical realism, taking into account their aesthetic connections and differences. Artistic and mystical works in Russian (including Chuvash) literature very often represent a synthesis of Orthodox-religious and national-folklore motifs, images, and themes. Meanwhile, such mysticism in its poetics is very close to magical realism, which originated in Latin American literature. Taking these features into account, the aim of this study was to identify aesthetic parallels between the works of Chuvash mystical prose and magical realism. In accordance with the purpose, the main tasks of the work are formulated: to study the theoretical issues of the poetics of the mystical and magical; to determine the genre and stylistic features of the work of the writers under study; to identify the main elements of the commonality of Chuvash artistic mysticism and magical realism. The works of the Chuvash author Nelli Petrovskaya and the Argentine author Julio Cortazar were selected as research material. The main research methods are comparative-historical and contrastive analysis of works of art. As a result of the study, they came to the conclusion that the mystical and magical in fiction manifest themselves as something inexplicable, miraculous, otherworldly, while the plot of the story is based on real life. Their distinctive feature is that in mystical works religious ideas and symbols are expressed more vividly, while in magical realism the mythological worldview of the people is expressed more vividly. However, it also contains religious symbols.

Key words: mysticism, magical realism, Chuvash mystical prose, mythological image, religious symbol

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Myshkina, A.F. 2025. "Representation of the Mystical (N. Petrovskaya) and Magical (J. Cortazar) in Fiction." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 624–634. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634>

Введение

В современной культуре понятия «магическое» и «мистическое» зачастую трактуются и применяются как синонимические. Между тем в процессе формирования человеческой культуры они занимают определенные исторические периоды, эпохи. Так, магическое связано с колыбелью человечества, первобытным обществом, в котором магия воспринималась как «совокупность приемов (действий и слов), имеющих чудодейственную силу, при помощи которой можно воздействовать на людей и явления природы»¹. Более того,

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. С. 512.

именно магическое стало основой древней культуры (язычества), а его отголоски дошли до нас в мифах и религиозно-культовых обрядах разных народов. Мистическое же своими корнями уходит в веру «в сверхъестественное, божественное, таинственное», в веру «в возможность непосредственного общения человека с потусторонним миром» и именно «мистика является элементом всех религиозных верований» [1. С. 131].

Наиболее ярко мистическое проявило себя в эпоху Средневековья, когда появились «мистерии, вышедшие из храмового литургического действия и представлявшие собой инсценировки библейских сюжетов, а также миракли — стихотворные драмы с сюжетом, основанным на чуде, которое совершает святой или Богородица» [2. С. 90]. Тем не менее, даже имея такую очевидную дифференциацию, понятия «магическое» и «мистическое» на современном этапе очень часто взаимно дополняют и взаимно заменяют друг друга. На наш взгляд, синонимическому употреблению этих терминов предшествовал тот факт, что христианство, как и большинство мировых религий, зародилось на основе лучших философско-религиозных идей предыдущих эпох, в том числе и языческой культуры.

В современной литературоведческой науке история возникновения и эстетические особенности мистической прозы и магического реализма в достаточной мере изучены [3–8]. Не остались они без внимания и в чувашском литературоведении² [9; 10]. Все эти исследования позволяют сделать вывод о том, что мистическое, мистицизм в литературе «подпытывает» свой художественный мир философско-религиозными учениями человечества, а магическое — традиционной верой и мировосприятием народа, которые очень часто трактуются как суеверие.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью конкретизации особенностей мистического и магического в художественном творчестве, а также выявления их эстетических связей и отличий.

Цель исследования — выявление эстетических параллелей между произведениями чувашской мистической прозы и магического реализма.

Материалами исследования стали повесть «Масар чартакё» («Кладбищенский чердак», 1998) чувашского прозаика Нелли Петровской и рассказ «Автобус» (1951) аргентинского автора Хулио Кортасара.

Обсуждение

Магическое и мистическое нашли свое выражение не только в древних мифах и религиозно-философских учениях, но и в художественном творчестве, в частности в произведениях художественно-мистического стиля и в методе магического реализма. Так, «мистическая литература возникла в середине

² *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести : учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 132 с.

XVIII в. в Англии как реакция на век Просвещения и нашла себя в жанре мистического романа» [3. С. 184]. Поэтика и художественные принципы магического реализма в немалой степени сложились под влиянием европейского авангардизма: термин «магический реализм» впервые был использован в 1925 г. немецким искусствоведом Францем Рохом по отношению к авангардной живописи. И лишь позже его стали использовать «для характеристики латиноамериканской прозы», в которой он «выступает в качестве маркера ее национальной самобытности» [4. С. 4]. Более того, на начальном этапе своего формирования он «стал для латиноамериканцев своеобразным „плавильным котлом“, куда они „сбрасывали“ все, что их привлекало в литературах Западной Европы, и из этого немыслимого по историко-литературным меркам сплава они „выковывали“ затем свои бессмертные шедевры, обеспечившие уже с 1930-х гг. постепенный художественный взлет, а затем и необычную популярность этих литератур» [5. С. 28].

Мистико-магическая поэтика, очень близкая к магическому реализму, была характерной чертой чувашской литературы уже в самом ее начале. В частности, она проявила себя в поэме М. Федорова «Арсури» («Леший», 1879) и трагедии К. Иванова «Шуйттан чури» («Раб дьявола», 1907). В основе этих произведений лежат религиозно-философское мировосприятие, фольклорное сознание чувашского народа. На наш взгляд, в этом прослеживается некая параллель с европейской средневековой литературой, сформировавшейся на базе трех важнейших факторов, а именно — христианского вероучения, культурного наследия античного мира и народного творчества [2]. Средневековье породило такое понятие, как религиозный фольклор, — «среди его жанров особенно мистически насыщенными являются легенды, включающие отголоски языческой мифологии (драконы, леший, водяные)» [2. С. 90]. Во всем этом мы видим стремление как европейской средневековой литературы, так и профессиональной (авторской) чувашской литературы конца XIX — начала XX в. сохранить преемственность эстетических традиций предыдущих эпох.

Зрелым этапом в развитии чувашской художественно-мистической прозы стал конец XX в. Исследователи литературы, анализируя этот период, отмечают: «В 90-е годы XX века в чувашской фантастической прозе появляется новое направление — мистико-фантазмагорическое и лирико-фантастическое. Представители этой своеобразной фантастики — Нелли Петровская и Владимир Степанов»³; «В мистико-фантазмагорических повестях В. Степанова („Реципиент“) и Н. Петровской („Кладбищенский чердак“), написанных в 1990-е гг., в годы демократизации религиозных и теологических воззрений, проявляются древнечувашские мифологические взгляды на мироустройство. Язык ворожбы и колдовства, черная и белая магия, представления о

³ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести : учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 88–89.

потустороннем мире, языческие силы добра и зла в их произведениях не что иное, как отображение чувашского менталитета. В этих повестях реальная жизнь реальных людей вплетена в образную систему мистических персонажей, фантазмагорических образов и представлений»⁴; «Произведения Н. Петровской, написанные в этот период, носят мистический характер [романы „Хура Ангел“ („Черный Ангел“, 1986–1987), „Тухатмӓш“ („Ведьма“, 1995), рассказ „Хёрпе вилём“ („Девушка и смерть“, 1994), повесть „Масар чартакё“ („Кладбищенский чердак“, 1996) — все произведения опубликованы во второй половине 1990-х гг.]. Данные произведения можно рассматривать на стыке традиционной и альтернативной прозы, так как в них соединяются реалистическое и мистическое начала. Их объединяет один мотив, а именно противостояние человека со злыми силами» [9. С. 343–344].

Приведенные цитаты акцентируют внимание на двух существенных обстоятельствах развития чувашской мистической прозы. Во-первых, полноценное выражение мистического в художественном творчестве стало возможным лишь после отхода от канонов соцреализма. Во-вторых, в поэтике чувашского художественно-мистического произведения сочетаются как элементы православной религии, так и народной мифологии. Вероятнее всего, последнее обстоятельство связано с синкретическим характером той православной религии, которой придерживаются представители чувашского народа.

Одним из ярких представителей латиноамериканского магического реализма стал аргентинский писатель Хулио Флоренсио Кортасар, родившийся в Брюсселе в 1914 г. В начале своего творчества Кортасар увлекался поэзией, но мировую известность получил в качестве автора прозаических произведений. Он стал одним из создателей «„нового латиноамериканского романа“, где ключевой формулой становится мифологическое мышление» [11. С. 220]. Особенности творческой манеры Х. Кортасара наиболее наглядно раскрывают его собственные сравнения литературных жанров (роман, рассказ) с кинофильмом и фотографией. При этом «под фотографией писатель понимает не ремесленный натуралистический снимок, а подлинное произведение фотоискусства», которое способно «выхватить из реальности фрагмент, заключив его в строго определенные рамки, но таким образом, чтобы этот выхваченный кусок действовал, словно взрыв, распахивающий настежь несравненно более обширную реальность» [12. С. 9–10]. Рассуждая в этом направлении далее, писатель отмечает: «И фотограф, и автор рассказа обязаны выбрать и ограничить такой образ или такое событие, которые были бы значимы, ценность которых заключалась бы не только в них самих, но и в их способности воздействовать на зрителя или читателя как некое открытие, некий фермент, обращающий разум и чувства к чему-то выходящему далеко за пределы изобра-

⁴ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести: учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 89–90.

зительного или литературного сюжета, в них содержащегося» [12. С. 10]. Собственно, подобный композиционный прием Х. Кортасар осуществляет в своих рассказах через описания деталей портрета героев, предметов, городского пейзажа и т. д.

На сегодняшний день исследователи выделили и характерные черты магического реализма, «ясно воплотившиеся в первых произведениях магического реализма — повести А. Карпентьера „Царство земное“ (1949) и романе М.А. Астуриаса „Маисовые люди“ (1949)» [6. С. 10]. Однако по отношению к рассказу Х. Кортасара «Автобус» эти характеристики не работают: здесь нет противостояния героя-индейца с героем-европейцем, нет ярко выраженного коллективного мифологического сознания, нет суждения примитивного человека и т. д. Магический реализм Х. Кортасара выстраивается через особую эстетическую роль незначительных и слабо улавливаемых деталей, подтекста и подсознательного чувства страха, которое уже характерно для поэтики магического реализма.

Обратимся к тексту. Фабула рассказа очень проста: девушка Клара, оставив ребенка под присмотром няни, едет на встречу с подругой Анной, в автобусе знакомится с молодым попутчиком, с которым едут до одной остановки, а выйдя из транспорта, эти двое уже продолжают путь вместе. Буквально в первых строках произведения автор с детальной точностью описывает улицы и районы города, примыкающие к той остановке, где остановилась Клара, ожидая автобус № 168: *«волны служащих уже схлынули <...> Вилья-дель-Парке пустела», «на углу Тиногаста и Самудио», «кроны деревьев, высаженные вдоль Агрономии», «на авениде Сан-Мартин у Ногойи», «флорентийская башня Святого Жана-Батиста Мари Вианнея»*⁵. Использование названий реальных городских объектов (улиц, парков, памятников) в рассказе Х. Кортасара усиливает ощущение реальности происходящего, создавая панорамную картину истинно существующего города. Вместе с тем во всем этом проявляется и особый подход писателя к созданию художественной реальности — фотографическая точность изображаемого.

Следует заметить, «выделяют два различных теоретических подхода к магическому реализму: первое — это отношение к нему как к соединению реального и фантастического в одном пространстве. <...> Такой подход во многом характеризует именно латиноамериканскую версию магического реализма» и второе — «как более пристальный, углубленный взгляд на будничную, „нашу“ реальность. Рассматривают как угол зрения, который позволяет увидеть скрытые в ней глубины и тайны, переосмыслить ее границы, создать более сложную картину мира» [8]. На наш взгляд, в рассказе «Автобус» преобладает второй подход — каждая деталь, описанная здесь, при изменении угла зрения приобретает вторичный магический смысл.

⁵ Кортасар Х. Автобус. URL: https://royallib.com/read/kortasar_hulio/avtobus.html#0.

Подобный подход наиболее явственно выражен в основной части рассказа, действия которой разворачиваются в салоне автобуса. И в этой части автор детально описывает все, что окружает главную героиню, — людей, предметы, пространство. Вот, к примеру, несколько таких описаний: «кондуктор <...> этаким пузан на полусогнутых, кривых ножках»; «шофер — художавый блондин»; дама с «глазами, полными нежности, с какою обычно короны смотрят на живую изгородь»; «старик с дряблой, морщинистой шеей»; «розовые каллы и розы, <...> безобразные гладиолусы, будто жеванные и грязные»⁶. Все эти описания персонажей и их окружения носят в себе негативную оценку, создавая определенную напряженность между ними и главной героиней, а также усиливая ее необъяснимый страх.

Все пассажиры автобуса делятся на тех, кто едет в Чакариту, и тех, кто едет в Ретиро. При этом эти два района Буэнос-Айреса противопоставлены друг другу как черное и белое, как смерть и жизнь, как мир мертвых и мир живых, так как Чакарита — это крупнейшее в Аргентине национальное кладбище, а Ретиро — район, чью основную часть занимает одноименный парк отдыха. У каждого, кто едет в Чакариту, в руках цветы — маргаритки, розовые каллы, розы, гладиолусы, розовый шиповник, почти черные гвоздики, хризантемы, георгины. В культуре многих народов букеты, чаще с четным количеством цветов, символизируют завершение жизни, являются символом, проводником между нашим миром и загробным. При подобной трактовке значения цветов весьма интересным становится концовка рассказа «Автобус»: «И когда они вновь тронулись в путь (юноша уже не держал Клару за руку), каждый из них нес свой букетик и оба были счастливы»⁷. В данном случае автор напоминает читателям о краткосрочности человеческой жизни, которая у каждого своя. Именно поэтому каждый из героев несет свой букетик.

Обобщая анализ произведения, отметим, что Х. Кортасар в поэтике своего рассказа потусторонний мир мертвых и настоящий мир живых соединяет в одной действительности, в которой эти два мира соприкасаются друг с другом. При этом мир мертвых (водитель автобуса, кондуктор и все пассажиры) проявляет некоторую агрессивность по отношению к главной героине и ее случайному попутчику, хватая их за руки, бросая недоброжелательные взгляды, то есть создавая некомфортную для них психологическую ситуацию.

Создание особой художественной реальности через противостояние мира мертвых и мира живых стало важным и для повести Н. Петровской «Кладбищенский чердак», но с существенным усилением элементов сверхъестественного, потустороннего. В данном произведении наиболее четко выражаются специфические черты мистической прозы: «1. Основа сюжета — необъяснимое событие, главный герой — обычный человек, попавший в необычные

⁶ Кортасар Х. Автобус. URL: https://royallib.com/read/kortasar_hulio/avtobus.html#0.

⁷ Там же.

обстоятельства. 2. Атмосфера повествования — мрачная, порой гнетущая или же очень контрастная. Второстепенные герои наделены сверхъестественными способностями или являются представителями потустороннего мира. 3. Детали антуража вполне реальные, но пугающие: темные углы, мрачные леса, потухшие свечи и мигающий свет. 4. Главная эмоция — страх. 5. Символизм» [7. С. 216]. Все это и позволяет обозначить его жанрово-стилистическую разновидность как художественно-мистический.

Так, в «Кладбищенском чердаке» прослеживаются две линии развития сюжета: реалистическая, связанная с жизнью чувашской деревни и их жителей, и мистическая, связанная с вторжением сущностей потустороннего мира в жизнь человека. А объединяющим звеном этих линий становится один из жителей чувашской деревни Урдемей. Мистическое начало повести (такая особенность характерна и для других философско-мистических произведений Н. Петровской) намечается уже в ее названии. В частности, в данном произведении кладбищенский чердак — это не материальное сооружение, не физический объект, а нечто мифическое, что-то из народного поверья. Его значение автор объясняет таким образом: «*Масар хуши хайён чартакёнче тёрлэ аяр-таяр усрать. Аяссар пуранса ирттернё темён чухлэ сынна уйрам кёнекене кёртнё масар хуши. Ана вай масар чартакёнче тытатъ. <...> Масар чартакёнче ассар-пуссар пуранса ирттернё сынсем — леш тёнчерисем — час-часах хёвёисе сурресё тет*»⁸ (Хозяин кладбища на своем чердаке хранит всякий скорб. Множество людей, проживших неудавшуюся жизнь, хозяин кладбища включал в отдельную книгу. Ее он держит на кладбищенском чердаке. Говорят, на кладбищенском чердаке очень часто суетятся люди с того света, прожившие свою жизнь впустую⁹).

В повести Н. Петровской мистическое включает в себя мифологическое сознание народа и религиозные учения православия. Наиболее наглядно это можно увидеть в объяснении мистического образа *Сас* (Голоса) о своей жизни на земле и последствиях после смерти. При жизни звали его Василь и по молодости он сидел даже в тюрьме за убийства. После освобождения односельчане прогнали его из родной деревни. И появился Василь в деревне Урдемея, стал пастухом. После смерти его как чужака похоронили на краю кладбища. Два раза молния сожгла крест на его могиле. Такое происшествие имеет свое значение: «*Ку вара сак хёрес айёнке выртакан сын сав тери сылахлине, ун чунё усалсемпе пёрле чёррисене асап парса суренине пёлтерет. Ун чунё Турра юрэхсар пулйаран хёресне аса сапатъ*»¹⁰ (Это уже означает, что человек, лежащий под этим крестом, очень грешен, что его душа вместе со злыми духами

⁸ Петровская Н. А. Там тивнё чун: Роман, повесть. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 280.

⁹ Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — А.М.

¹⁰ Петровская Н. А. Там тивнё чун: Роман, повесть. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 307.

насылает мучения живым. Из-за того, что его душа не достойна Бога, крест поражается молнией). Более того, именно могила этого человека становится местом появления кладбищенского чердака: «*Хёресне аса сапнй вилерен сынсем хйраççё, хёрес лартма юрйхсйр сын пулнй тесе хура юпа лартаççё те вара йна масар чартакё теççё*»¹¹ (Люди боятся мертвеца, чей крест поражает молния, говоря, что человек был не достоин установления креста, ставят черный столб и называют его кладбищенским чердаком).

В повести множество элементов, которые объясняются через религиозно-мифологические поверья чувашского народа. В их числе — число семь (после семикратного упоминания кладбищенского чердака Голос приходит к Урдемею), кукареканье петуха после полуночи (Голос после первых петухов не сможет вернуться на кладбище), пробуждение мертвых ночью на кладбище (они окружили Урдемея на кладбище и шли вслед за ним по пути в деревню), зло побуждает к недобрым деяниям (Голос побудил Урдемея избивать жену и мать, тащить жену на кладбище, привязывать к кресту и т. д.), обращение за защитой к умершим предкам (Нина, оставшись на кладбище одна, ищет защиту у своих *кукамай*, *кукаси* — дедушки и бабушки по материнской линии), разлом земли (появившегося во второй раз на кладбище и привязавшего жену к черному столбу Урдемея чуть не поглотил огонь из разлома). Однако, как видно из развития сюжета, защита от всех потусторонних зол кроется только в православной символике и традициях, в первую очередь в натальном кресте, молитве и крестном знамении. В «Кладбищенском чердаке» есть обращение и к библейскому сюжету. Так, Урдемей, притащив ночью свою жену Нину на кладбище, под понуждением Голоса привязывает ее на надмогильном кресте, что очень сильно напоминает распятие Христа.

Заключение

Таким образом, как для чувашской художественно-мистической прозы, так и для магического реализма значимыми элементами поэтики становятся религиозные символы и традиция. Для произведений такого жанра характерно появление в развитии сюжета, основанного на реальной жизни, нечто необъяснимого, чудесного, потустороннего. Однако в мистических произведениях религиозные идеи и символы получают более яркое выражение, чем в магическом реализме, хотя и для него они не чужды. Магический реализм предпочитает привлекать к эстетической обработке мифологическое мировоззрение народа.

Так, в обоих проанализированных нами произведениях Н. Петровской и Х. Кортасара в обычное повествование введены элементы мистики, однако с одним отличием: в рассказе Кортасара это происходит незаметно, все

¹¹ Петровская Н.А. Тăм тивнĕ чун: Роман, повеçсем. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 307.

привычно и обыденно, поэтому трудно уловить переход от действительности к иллюзии, а в повести Н. Петровской потустороннее начинает выступать как самодостаточный образ, к примеру Голос. Более того, в рассказе Х. Кортасара нет прямых указаний на потусторонний мир. В «Кладбищенском чердаке» Н. Петровской явное противостояние Добра и Зла, именно в качестве последнего выступают потусторонние силы.

Список литературы

1. Сурков Д. В. Различия понятий «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт» // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 131–134. EDN: PNFEDJ
2. Шудейко М.Н. Понятие мистического в литературе и его отражение в прозе // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 3 (118). С. 88–95.
3. Павлючук В.П., Волкова А.В. Мистический характер творчества Ю. Кернера // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы XII Междунар. научно-практич. конф. Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2017. EDN: ZTNQXX С. 184 –188.
4. Панчехина М.Н. Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Донецкий национальный университет. Донецк, 2017. 189 с. EDN: BIOMZV
5. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте культуры и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. Москва : Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. 117 с. ISBN: 5-7576-0072-1 EDN: YHOVOX
6. Быкова Е.А. Латиноамериканский, мексикано-американский и британский магический реализм : особенности и общие черты // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире : материалы VII науч.-практич. конф. с междунар. участ. Забайкал. гос. ун-т; отв. ред. Л.Р. Татарникова. Чита : Забайкальский государственный университет, 2014. С. 10–16. EDN: VYSQOL
7. Безрукова К.С., Мальцева С.М. Влияние мистической литературы на современного читателя // Наука — образованию, производству, экономике : материалы 75 регион. науч.-практич. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. С. 214–220. EDN: LZSSTF
8. Закревская А. Магический реализм. Версия Андре Дельво // Искусство кино. 2014. № 5. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2014/05/magicheskij-realizm-versiya-andre-delvo>
9. История чувашской литературы XX века. Ч. 2 (1956–2000 годы) : коллективная монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.
10. Яковлев Ю.В. Скворцов — мистик // Юрий Скворцов. Статьясен пуххи. Шупашкар : ЧГИГН, 1992. С. 30–46.
11. Юшкова А.О. Магический реализм в рассказе Хулио Кортасара «Аксолотль» // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного воздействия : сб. науч. статей по материалам XXXI Междунар. научно-практич. конф. Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 219–224. EDN: ECMQBJ
12. Основат Л.С. Поиски и открытия Хулио Кортасара // Кортасар Х. Выигрыши : повести и рассказы. Москва : Прогресс, 1976. С. 5–21.

References

1. Surkov, D.V. 2012. “Differences between the concepts of ‘mysticism’, ‘mysticism’ and ‘mystical experience’.” *Omsk Scientific Bulletin*, vol. 5, no. 112, pp. 131–134. EDN: PNFEDJ Print. (In Russ.)

2. Shudeiko, M.N. 2022. “The concept of the mystical in literature and its reflection in prose.” *Bulletin of Minsk State Linguistic University*. Series 1: Philology, vol. 3, no. 118, pp. 88–95. EDN: FGRFBP Print. (In Russ.)
3. Pavlyuchuk, V.P., and A.V. Volkova. 2017. “The mystical nature of the works of J. Kerner”. In *Higher Humanitarian Education of the 21st Century: Problems and Prospects*. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Samara, pp. 184–188. EDN: ZTNQXX Print. (In Russ.)
4. Panchekhina, M.N. 2017. *Magical realism as an artistic method in the novels of M.A. Bulgakov*. PhD thesis. EDN: BIOMZV Print. (In Russ.)
5. Gugnin, A.A. 1998. *Magical Realism in the Context of 20th Century Culture and Art: Phenomenon and Some Ways of Understanding It*. Moscow: Scientific Center for Slavic-Germanic Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences publ. ISBN: 5-7576-0072-1 EDN: YHOVOX Print. (In Russ.)
6. Bykova, E.A. 2014. “Latin American, Mexican-American and British Magical Realism: Features and Common Traits.” In *Linguistics and intercultural communication in the modern world. VII Scientific-pr. conf. with international participation: conf. materials*. Transbaikal State University publ. Chita, pp. 10–16. EDN: VYSQOL Print. (In Russ.)
7. Bezrukova, K.S., and S.M. Maltseva. 2023. “The influence of mystical literature on the modern reader.” In *Science — education, production, economy*. Proceedings of the 75th regional scientific-pr. Conference. Vitebsk, pp. 214–220. Print. (In Russ.)
8. Zakrevskaya, A. 2014. “Magical Realism. Andre Delvaux’s Version.” *The art of cinema*, no. 5. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2014/05/magicheskij-realizm-versiya-andre-delvo> (In Russ.)
9. *History of Chuvash Literature of the 20th Century*, part 2 (1956–2000): collective monograph. 2017. Cheboksary: Chuvash. book publishing house. Print. (In Russ.)
10. Yakovlev, Yu.V. 1992. “Skvortsov — mystic”. *Yuri Skvortsov*. Collection of articles. Shupashkar, pp. 30–46. Print. (In Chuv.)
11. Yushkova, A.O. 2021. “Magical Realism in Julio Cortazar’s Short Story ‘Axolotl’.” *General and specific issues of philology and translation studies in the context of intercultural impact*. Collective scientific articles on materials of XXXI International scientific-practical conference. Cheboksary: Chuvashia state ped. university named after I.Ya. Yakovlev publ., pp. 219–224. EDN: ECMQBJ Print. (In Russ.)
12. Ospovat, L.S. 1976. “The Search and Discoveries of Julio Cortazar.” In *Cortazar H. Winnings: stories and short stories*. Moscow: Progress Publishing House, pp. 5–21. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Мышкина Альбина Федоровна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0000-0001-8560-9146, eLibrary SPIN-код: 3339-4520. E-mail: alb-myshkina@mail.ru.

Bio note:

Albina F. Myshkina is a Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8560-9146, eLibrary SPIN-code: 3339-4520. E-mail: mail: alb-myshkina@mail.ru.